

**Актуальные вопросы теории и практики применения
ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды,
а равно унижение человеческого достоинства»**

Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства предусмотрена ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ).

В первоначальной редакции уголовного закона рассматриваемая статья имела название «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ текстуально выглядела следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации». По ч. 2 ст. 282 УК РФ квалифицировались те же деяния, совершённые: а) с применением насилия или угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой. Несмотря на то, что санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ предусматривала помимо лишения свободы также ограничение свободы и штраф в качестве альтернативных видов наказаний, которые не предусматривались санкцией ч. 2 ст. 282 УК РФ, оба состава преступлений относились к категории преступлений *средней тяжести*.

---

* Докторант кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Последующее принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ отразилось преимущественно на формулировке диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ. Названный Федеральный закон отнёс к экстремистской деятельности возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. В связи с этим Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»² в название, диспозицию ч. 1 и санкции обеих частей ст. 282 УК РФ были внесены соответствующие изменения и дополнения.

В настоящее время ст. 282 УК РФ имеет название «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ изложена следующим образом: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершённые публично или с использованием средств массовой информации». Санкция ч. 1 ст. 282 УК РФ предусматривает более мягкое наказание, чем в прежней редакции статьи, поэтому данный состав преступления отнесён законодателем к категории преступлений *небольшой тяжести*. В настоящий момент санкция ч. 2 ст. 282 УК РФ предусматривает помимо лишения свободы также и более мягкие альтернативные виды наказаний. Однако максимальный срок лишения свободы по ч. 2 ст. 282 УК РФ остался прежним, следовательно, категория данного преступления как преступления *средней тяжести* не изменилась.

Первоначальное изложение ст. 282 УК РФ нельзя было признать удовлетворительным с позиции науки уголовного права. Однако последующие изменения породили массу дополнительных вопросов не только относительно квалификации такого рода деяний, но и по поводу того, насколько допустимо существование данной уголовно-правовой нормы в законодательстве демократического правового государства. В связи с этим необходим анализ содержания рассматриваемой статьи на наличие возможных нарушений законодателем правил юридической техники.

Вне зависимости от того, исследуем ли мы первоначальную или действующую редакцию ч. 1 ст. 282 УК РФ, первое, что заставляет обратить на себя внимание, это словосочетание «*действия, направленные на...*».

Диспозиция с таким «началом» уже порождает массу квалификационных вопросов. Как справедливо отметили А. Р. Ратинов, М. В. Кроз и Н. А. Ратинова, уязвимость этой формулировки состоит в том, что она, не определяя объективных, т.е. доступных наблюдению и подлежащих доказыванию поведенческих признаков деяния (события), ограничивается указанием лишь на направленность действий³.

В результате не ясно, могут ли «действия, направленные на...» образовывать совокупность каких-либо правомерных действий и как в таком случае распознать грань между малозначительными, т.е. не представляющими общественной

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 (с посл. изм. от 29 апреля 2008 г. № 54-ФЗ).

² Российская газета. 2003. 16 дек.

³ См.: Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А. Р. Ратинова. М., 2005. С. 35.

опасности, и уголовно наказуемыми деяниями. Получается, что фактически невозможно установить тот момент преступления, с которого оно должно считаться оконченным, равно как и определить начало приготовления к совершению «действий, направленных на...».

Сложности возникают и относительно определения «направленности» действий. Полагаю, под «направленностью» можно понимать как *цель* совершения определённых деяний, так и указание на *предмет* преступного посягательства, входящего в структуру объекта преступления. Поэтому «действия, направленные на...» можно интерпретировать как «действия, совершаемые в целях...», но в то же время и как «действия, посягающие на...».

Например, в законодательной формулировке «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение *предприятий, ... объектов жизнеобеспечения населения* в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» (ч. 1 ст. 281 УК РФ «Диверсия») «направленность» не следует понимать как обозначение цели преступления, поскольку цель совершения названных действий определена самостоятельно — подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В данном случае предприятия и объекты жизнеобеспечения населения выступают *объектами материального мира*, на целостность и функционирование которых посягают названные в ч. 1 ст. 281 УК РФ деяния. Напротив, в словосочетании «действия, направленные на *насильственный захват власти...*» (ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти») «направленность», на мой взгляд, не может пониматься как посягательство на конкретный материальный предмет или даже на нематериальный объект уголовно-правовой охраны, поскольку в действительности речь идёт о деяниях, совершаемых *в целях* насильственного захвата власти. Исходя из этого, причастие «направленные» нецелесообразно употреблять в уголовном законе по двум причинам: во-первых, из-за его смысловой неоднозначности; во-вторых, из-за возможности его замены иными речевыми оборотами, исключающими двойственное толкование.

В диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ в словосочетании «действия, направленные на *возбуждение ненависти...*» вызывает вопросы также практическая констатация такого «возбуждения», носящего исключительно *психологический характер*. По мнению А. Р. Ратинова, М. В. Кроза и Н. А. Ратиновой, «возбуждающей» в смысле ст. 282 УК РФ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определённой этнической (национальной), расовой, конфессиональной (религиозной) или социальной группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них¹. Однако установить, что конкретная информация содержит «отрицательную эмоциональную оценку» или формирует «негативную установку» в большинстве случаев крайне сложно из-за отсутствия *объективных юридически значимых фактов*, равно как и «нейтральных» научных критериев такой оценки, т. е. тех, определение которых не зависит от особенностей эмоционального восприятия данной информации экспертом или любым иным лицом. Если это признать, то становится очевидным отсутствие чёткой грани между «реальным» и «кажущимся» возбуждением социальной нетерпимости. В итоге всё сводится к *субъективному*

¹ См.: Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 51.

эмоционально-смысловому фактору, а следовательно, выявленные в частном порядке признаки «возбуждения ненависти» могут не поддаваться ни однозначному научному подтверждению, ни опровержению, соответственно и уголовно-правовому доказыванию.

Исходя из этого, можно сказать, что применяемые в настоящее время методы диагностики, экспертизы и мониторинга проявлений экстремизма в обществе и средствах массовой информации, разработанные в рамках одного из направлений реализации Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российской обществе (2001–2005 годы)» (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629), с позиций теории уголовно-правовой квалификации преступлений *неэффективны*. Например, «завуалированные призывы к насилию и дискриминации» относятся к так называемому «жёсткому языку вражды»¹. При этом нельзя не согласиться с мнением А. М. Верховского о том, что такое деление весьма условно: «Во-первых, невозможно методологически чётко определить границы между категориями жёсткости. Во-вторых, жёсткость реального воздействия определяется не только самим видом, но и интенсивностью, выразительностью языка вражды в каждом конкретном случае»². В качестве иного примера отмечу такой признак «разжигания вражды и ненависти», как «утверждение о наличии заговора, тайных планов одной национальной или религиозной группы против других»³. На мой взгляд, эксперт должен обладать сверхспособностями, чтобы владеть истинными знаниями о каждом историческом событии и всех происходящих в современном мире социальных процессах. Но даже такие сведения вряд ли помогут в доказывании прямого умысла по ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Тем не менее в настоящее время заключения российских лингвистов, психологов, этнологов, социологов, религиоведов и иных лиц, привлекающихся в качестве экспертов по делам о преступлениях экстремистской направленности, способны повлечь за собой соответствующие уголовно-правовые последствия не только для виновных, но и для тех, кто при отсутствии умысла на совершение противоправных деяний допустил неточность в выражении своих мыслей на бумаге или в порыве эмоций употребил некорректную или неуместную формулировку, выступая публично.

Отдельно следует сказать об используемых в названии ст. 282 УК РФ и диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ понятиях «ненависть» и «вражда». Под «ненавистью» понимается «чувство сильной *вражды* и отвращения»⁴ и при таком толковании введение в рассматриваемую уголовно-правовую норму дополнительного термина «вражда» приводит к их *тавтологии*. И действительно, под «*враждой*» аналогично понимаются «отношения и действия, проникнутые неприязнью, *ненавистью*»⁵.

Существенные затруднения вызывает законодательная формулировка «...а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» в ч. 1 ст. 282 УК РФ. Центральным понятием в данном случае выступает «*социальная*

¹ Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 101.

² Верховский А. М. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М., 2002. С. 42.

³ Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 110.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973. С. 371.

⁵ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 95.

группа» — это преимущественно социологический термин. Однако в социологии существуют различные точки зрения относительно определения данного понятия и его границ, а также его соотнесения с такими смежными понятиями, как «социальная общность», «класс», «социальный строй», «прослойка», «страта», «этнос», «нация», «коллектив» и др.¹, над которыми теперь вместе с социологами должны думать и юристы.

Не вдаваясь в рассмотрение многочисленных позиций учёных, следует отметить, что, по мнению А. Р. Ратинова, М. В. Кроза и Н. А. Ратиновой, даже наиболее узкое толкование понятия «социальная группа» включает в себя крайне обширный спектр видов общностей: семью; группу друзей; любой производственный, учебный, научный, воинский коллектив; спортивную команду; приверженцев той или иной религиозной конфессии; работников одной организации, ведомства, отрасли хозяйства, профессии, группы профессий (например, работники правоохранительных органов); членов политических партий, общественных движений и объединений; группы лиц с разным уровнем дохода, образованием, социальным статусом, местом проживания (город—село) и т. п.²

Очередной вопрос вызывает название ст. 282 УК РФ, которое, на мой взгляд, сформулировано не совсем удачно. «*Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства*» по конструкции объективной стороны может характеризоваться как материальным, так и формальным (в т. ч. усечённым) составом преступления. Согласно общепринятой точки зрения деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 282 УК РФ, рассматриваются как *формальные* составы преступлений³. Вместе с тем логично предположить, что изготовление агитационных материалов, в частности плакатов, листовок, брошюр экстремистского содержания, является как раз подготовительным действием, совершаемым в целях последующего оказания определённого психологического воздействия на граждан, т. е. их «возбуждения». При этом такие действия согласно воле законодателя уже могут быть квалифицированы по соответствующей части ст. 282 УК РФ, поскольку формально подходят под описание «действия, направленные на...». Следовательно, имеет место *усечённый состав преступления*. Но отвечает ли такой подход принципам справедливости и экономии уголовной репрессии? Действительно ли такого рода деяния представляют столь высокую опасность для общества и государства, что возникает необходимость в их криминализации? Ведь целенаправленное возбуждение социальной нетерпимости будет иметь место лишь при обнародовании названных материалов либо при донесении их содержания общественным массам при публичном выступлении.

Далее не понятно, какими *правилами* и *методикой* следует руководствоваться при предварительной констатации действий по ч. 1 ст. 282 УК РФ, «*совершённых публично*», непосредственно *на месте преступления*. Так, если печатный документ или аудиовизуальную информацию на носителе можно направить в официальном порядке на социогуманитарную или психолингвистическую экспертизу, то кто будет давать такое заключение, например, в момент выступления в общественном месте правовых нигилистов, экстремистов, демократических скептиков, политиков или ущемлённых в правах членов каких-либо социальных

¹ См.: Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 76—77.

² Там же. С. 79.

³ См., например: Уголовное право России: Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 553.

групп? Неужели сотрудники полиции, обеспечивающие охрану общественного порядка? Видимо, да, поскольку оценку происходящих событий нельзя оставлять «на потом», хотя бы в целях недопущения возможных общественных столкновений или провокаций массовых беспорядков. Ведь если возбуждение социальной вражды имеет место, оно должно быть пресечено как преступление. К тому же при отсутствии аудио-, видеозаписей во время выступления, а также транспарантов, плакатов, листовок, брошюр и иных материалов, содержание которых может подлежать экспертной оценке, последующее доказательство вины тех лиц, которые действительно пытались разжечь межнациональную, межрелигиозную или иную социальную нетерпимость, станет невозможным. Но и необоснованно вмешиваться в проведение акций органы государственной власти также не вправе, поскольку такие действия чреваты нарушением демократических конституционных принципов. Вероятно, в таких случаях сотрудники правоохранительных органов должны исходить из фактических обстоятельств и субъективной эмоциональной оценки происходящего.

Относительно признаков информации, возбуждающей ненависть либо вражду, следует указать на ещё одно неоднозначное, на мой взгляд, основание. Так, А. Р. Ратинов, М. В. Кроз и Н. А. Ратинова отмечают, что от такой информации следует отличать *констатацию фактов*. По их мнению, «она не несёт никакого отрицательного “эмоционального заряда” и не направлена на формирование негативной установки. Поэтому нельзя, например, считать возбуждением национальной вражды сообщение о том, что самыми неграмотными среди россиян, по данным социологических исследований, являются цыгане. Психологическое содержание такой информации будет заключаться в том, чтобы привлечь к этой проблеме внимание общественности и специалистов, а не укрепить в массовом сознании стереотипное представление о необучаемости цыган как национальной черте»¹.

Однако проблема состоит в том, что во многих случаях такая «констатация фактов» может спровоцировать возбуждение социальной ненависти либо вражды не в меньшей степени, чем целенаправленные преступные действия. Например, расклеивание листовок в общественных местах с нейтральным лозунгом «Евреи — один из древнейших народов мира» в современном российском интолерантном обществе может вызвать непредсказуемую реакцию как со стороны представителей иных религиозных конфессий, так и со стороны различного рода ультраправых местных молодёжных объединений. Как минимум, можно однозначно сказать, что у лиц, разделяющих экстремистские взгляды, после прочтения таких листовок лишь укрепятся нацистские и антисемитские установки.

Соответственно процесс формирования и распространения в нашем обществе экстремистских воззрений в результате расклеивания такого типа листовок неизбежен. Стало быть, подобные деяния так или иначе повлекут за собой рост социальной нетерпимости, хотя они не являются уголовно наказуемыми по двум причинам: 1) субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, характеризуется *прямым умыслом*²; 2) общественно опасные последствия находятся за рамками объективной стороны указанного состава преступления (усечённый состав). Кроме того, экспертная комиссия в тексте указанной листовки не сможет выявить каких-либо признаков разжигания национально-религиозной

¹ Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Указ. соч. С. 51.

² См., например: Кочои С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части : краткий курс. М., 2010. С. 336.

нетерпимости. Но тут возникает другой вопрос: как доказать преступность деяния, если виновный действовал с прямым умыслом на возбуждение социальной вражды, но в качестве лозунгов использовал очевидные факты из научных источников, зная, что они спровоцируют желаемую общественную реакцию? Ведь не мысли и желания такого лица являются основанием уголовной ответственности, а совершение им общественно опасного, уголовно наказуемого деяния. Так в чём же общественная опасность расклеивания таких листовок? И в чём состоит данное преступление?

Наличие подобных вопросов и отсутствие на них однозначных ответов, лишённых догадок и предположений, является очевидной констатацией того, что действующая редакция ст. 282 УК РФ теоретически допускает возможность как привлечения к уголовной ответственности невиновных, так и оправдания экстремистов. Объясняется это, на мой взгляд, не только абстрактностью уголовно-правовой формулировки диспозиции части первой рассматриваемой статьи, но и тем, что судебная психолингвистическая экспертиза в силу объективных причин некомпетентна в установлении преступного умысла подозреваемого, исходя лишь из содержания представленной на носителе информации. К тому же, когда коммуникатор тщательно маскирует и скрывает свою точку зрения, выдерживает сообщение в нейтральном «объективистском» ключе, делает ссылки на компетентные мнения историков, религиоведов, а также на тексты священных писаний, доказывание преступного умысла подозреваемого начинает приобретать философский, но никак не уголовно-правовой характер. При этом следует подчеркнуть, что субъективная сторона по ч. 1 и ч. 2 ст. 282 УК РФ не может характеризоваться виной в форме косвенного умысла.

Помимо всего прочего, возникает вопрос квалификационного характера относительно разграничений *«действий, направленных ... на унижение достоинства человека ... совершённых публично»* по ч. 1 ст. 282 УК РФ с *унижением чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме и содержащемся в публичном выступлении* по ч. 2 ст. 130 УК РФ «Оскорбление». Теоретически оскорбление может быть совершено по дискриминационным признакам, перечисленным в ч. 1 ст. 282 УК РФ, равно как и по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Оно также может быть совершено в отношении двух или более лиц, образуя совокупность преступлений. Вместе с тем даже наличие квалифицированного признака п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ не способно повлечь наказание строже *ограничения свободы на срок до двух лет* по ч. 2 ст. 130 УК РФ. Так чем же аргументировать наказание в виде *лишения свободы на срок до двух лет* по ч. 1 ст. 282 УК РФ за совершение тех же действий, но в отношении неограниченного круга лиц? В чём вообще общественная опасность фактически того же оскорбления, но не имеющего конкретного адресата?

На последний вопрос можно ответить следующим образом: степень общественной опасности действий, направленных на возбуждение социальной вражды, находится в прямой зависимости не столько от их характера, сколько от уровня интолерантности и ксенофобии в конкретном обществе. Чем выше уровень социальной нетерпимости и напряжённости в обществе, тем выше степень общественной опасности таких действий¹. Сложно представить человека с высоким уровнем духовного и морально-нравственного развития, который бы вдруг стал экстреми-

¹ См.: Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход). М.; Саратов, 2009. С. 169.

стом, случайно прочитав на фонарном столбе или в подъезде листовку нацистского, расистского, антисемитского или иного антиконституционного, антидемократического содержания. Поэтому сами по себе деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК РФ, по моему мнению, не способны повлечь какого-либо общественно опасного результата в более-менее толерантном обществе. Отсюда возникает справедливый вопрос относительно целесообразности установления уголовной ответственности за такие действия в демократическом правовом государстве.

Очевиден факт, что формулировка диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ допускает возможность нарушения конституционного принципа свободы мысли и слова, закреплённого в ч. 1 и ч. 3 ст. 29 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем именно рассматриваемая уголовно-правовая норма призвана обеспечить реализацию конституционно-правового запрета *пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду* (ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Однако, как справедливо отмечает А. Э. Жалинский, конституционные нормы, соотносимые с уголовным законом, весьма *абстрактны*¹. Поэтому считаю, что законодатель не должен копировать конституционные формулировки в уголовный закон, приписывая к ним санкции. Возбуждение социальной нетерпимости, безусловно, должно караться в уголовном порядке. Однако столь широкое негативное социальное явление целесообразно разделить на конкретные образующие его структурные элементы — определённые деяния, наиболее общественно опасные из которых следует признать преступлениями.

¹ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 301.